

Растегин Дмитрий Романович,
магистрант, филиал РАНХиГС
Волгоградский институт управления

Козлова Марина Юрьевна,
кандидат юридических наук, доцент филиал РАНХиГС,
Волгоградский институт управления,

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье представлен комплексный цивилистический анализ правового режима цифровой валюты в Российской Федерации с учетом новелл законодательства 2024-2025 годов. Исследуется дуализм правовой природы криптовалюты, квалифицируемой одновременно как имущество для целей банкротства и исполнительного производства, и как ограниченный в обороте объект в части платежных функций. Особое внимание уделено влиянию легализации майнинга и введения экспериментальных правовых режимов на систему объектов гражданских прав, а также проблемам защиты вещных прав на цифровые активы в условиях отсутствия централизованного реестра.

Ключевые слова: Цифровая валюта, объекты гражданских прав, майнинг, экспериментально-правовой режим, неосновательное обогащение, конкурсная масса, гражданский оборот.

Интеграция цифровой валюты в систему объектов гражданских прав Российской Федерации представляет собой один из сложнейших вызовов для современной цивилистики, требующий переосмысления фундаментальных категорий вещного и обязательственного права.

Следует констатировать, что на сегодняшний день, несмотря на активное законодательство, легальная дефиниция, которая бы исчерпывающе раскрывала природу криптовалюты (отграничивая ее от иных цифровых сущностей), в российском законодательстве отсутствует. Чтобы иметь представление об исследуемом объекте, можно исследовать доктринальную точку зрения. Так, в трудах советского и российского юриста, Л.А. Новоселовой, криптовалюта рассматривается как цифровой код, существующий в децентрализованной информационной системе, который, не будучи законным средством платежа, фактически выполняет функции меры стоимости и средства обмена [3, с. 29-44]. Данная экономическая сущность вступает в конфликт с правовой формой, что требует детального нормативного анализа. В частности, статья 128 Гражданского кодекса РФ, закрепляющая перечень объектов гражданских прав, относит к ним вещи, иное имущество, а также цифровые рубли и цифровые права, тем самым создавая нормативный базис для отнесения не поименованных прямо цифровых сущностей к категории «иного имущества» [1]. Развивая данный подход, Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах...» определяет цифровую валюту как совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, и императивно признает её имуществом для целей законодательства о несостоятельности (банкротстве) и исполнительном производстве [2].

Данная юридическая фикция была необходима для введения актива в правовое поле, однако она породила глубокую догматическую неопределенность. С одной стороны, признание имущества предполагает распространение на объект общих положений о вещных

правах. С другой стороны, цифровая валюта лишена материального признака, что делает невозможным применение к ней классического режима права собственности, базирующегося на триаде правомочий владения, пользования и распоряжения в их традиционном понимании [4, с. 35-38]. В частности, правомочие владения в отношении криптовалюты трансформируется из физического господства над вещью (*corpus possessionis*) в информационное господство – исключительное знание приватного криптографического ключа. Это создает уникальную правовую ситуацию: юридический титул на актив неразрывно связан с фактической способностью распорядиться им технически. Утрата ключа влечет не просто потерю владения, как в случае с движимой вещью, а фактическое уничтожение имущественной ценности для субъекта, поскольку восстановить доступ через третьих лиц (регистраторов, банки) в децентрализованной системе невозможно.

Ситуация усугубляется законодательным запретом на использование цифровой валюты в качестве средства платежа за товары, работы и услуги на территории РФ. Это положение создает парадокс оборотоспособности: объект признается имуществом, подлежит судебной защите и налогообложению, но его основная экономическая функция – служить средством обмена – блокируется императивной нормой. Фактически это превращает криптовалюту в сугубо спекулятивный актив или средство накопления, правовой режим которого близок к режиму валютных ценностей или ограниченных в обороте вещей.

Существенные изменения в правовое регулирование внесли новеллы 2024-2025 годов, легализовавшие майнинг и допустившие использование криптовалюты во внешнеэкономической деятельности в рамках экспериментальных правовых режимов (ЭПР). Легализация майнинга поставила перед наукой вопрос о квалификации способа возникновения права на вновь созданную криптовалюту.

Поскольку майнинг есть деятельность по поддержанию распределенного реестра и генерации новых блоков, получение вознаграждения в виде цифровой валюты следует рассматривать как первоначальный способ приобретения права собственности, аналогичный переработке (спецификации) или сбору плодов. Майнер, используя свое оборудование (главную вещь) и потребляя электроэнергию, получает новый имущественный результат. При этом право на этот результат возникает не в силу сделки с другим лицом, а в силу самого факта создания записи в блокчейне.

Введение ЭПР для трансграничных расчетов создает дуализм правового режима: один и тот же объект внутри страны рассматривается как *res extra commercium* (вещь вне оборота) в части платежей, а во внешнем контуре наделяется функциями законного средства платежа. Такой подход размывает принцип единства правового регулирования и создает риски квалификации внутренних сделок как притворных.

Особую сложность представляет защита гражданских прав владельцев криптовалюты. Традиционный вещно-правовой способ защиты – виндикация (истребование имущества из чужого незаконного владения) оказывается малоэффективным.

Во-первых, цифровая валюта обладает признаками родовых вещей (она заменима), а виндцировать можно только индивидуально-определенную вещь. Во-вторых, в силу технологии блокчейн, транзакции необратимы, и «вернуть» конкретную единицу криптовалюты технически невозможно – можно лишь перечислить аналогичную сумму [5, с. 136-153]. Поэтому судебная практика переориентируется на обязательно-правовые способы защиты, в частности, на нормы о неосновательном обогащении (кондикционные иски) и возмещении вреда (деликтные иски). Если лицо безосновательно получило криптовалюту (например, в результате ошибки или мошенничества), оно обязано возместить потерпевшему ее стоимость в фиатной валюте (валюта, ценность которой не обеспечена золотом, а устанавливается и гарантируется государством, которое объявило ее законным

средством платежа) либо вернуть эквивалентное количество единиц. Однако реализация этого права наталкивается на процессуальную проблему идентификации ответчика. В условиях псевдоанонимности сетей истец зачастую видит лишь номер кошелька, но не знает личности владельца, что делает невозможным подачу иска без содействия правоохранительных органов.

Наиболее проработанным на сегодняшний день является вопрос обращения взыскания на цифровую валюту в рамках исполнительного производства и дел о банкротстве. Суды последовательно включают криптоактивы в конкурсную массу должника, рассматривая их как ликвидное имущество, за счет которого могут быть удовлетворены требования кредиторов. При этом сформировалась презумпция добросовестности должника: он обязан раскрыть информацию о наличии кошельков и передать доступ к ним финансовому управляющему. Соккрытие доступа квалифицируется как недобросовестное поведение и влечет отказ в освобождении от обязательств по завершении процедуры банкротства. Вместе с тем, механизм принудительного изъятия остается несовершенным: если должник категорически отказывается передать ключ или утверждает, что утратил его, у суда и управляющего нет технических средств для взлома кошелька и изъятия активов. Это демонстрирует ограниченность государственного принуждения в цифровой среде.

Подводя итог анализу, следует констатировать, что существующая модель регулирования носит переходный характер и характеризуется внутренней противоречивостью. Стремление государства сохранить монополию рубля при одновременном желании использовать преимущества криптоэкономики порождает гибридные конструкции, сложные для правоприменения.

Перспективы развития законодательства видятся не столько в ужесточении запретов, сколько в создании инфраструктуры доверенных посредников (операторов обмена, депозитариев), которые позволили бы перевести владение из режима «знания ключа» в режим прав требования к профессиональному участнику рынка, что обеспечило бы полноценную защиту прав инвесторов и прозрачность оборота.

Список литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Первая часть Гражданского кодекса Российской Федерации : текст с изменениями и дополнениями на 13.01.2025 г. / Российская Федерация. Законы. – Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32 – Ст. 3301;
2. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 2020 г. N 31 (часть I) ст. 5018;
3. Новоселова Л.А. «Токенизация» объектов гражданского права / Л.А. Новоселова // Хозяйство и право. – 2017. – № 12. – С. 29-44;
4. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. – Москва : Статут, 2017 – С. 35-38;
5. Савельев А.И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав / А.И. Савельев // Закон. – 2017. – № 8. – С. 136-15.

